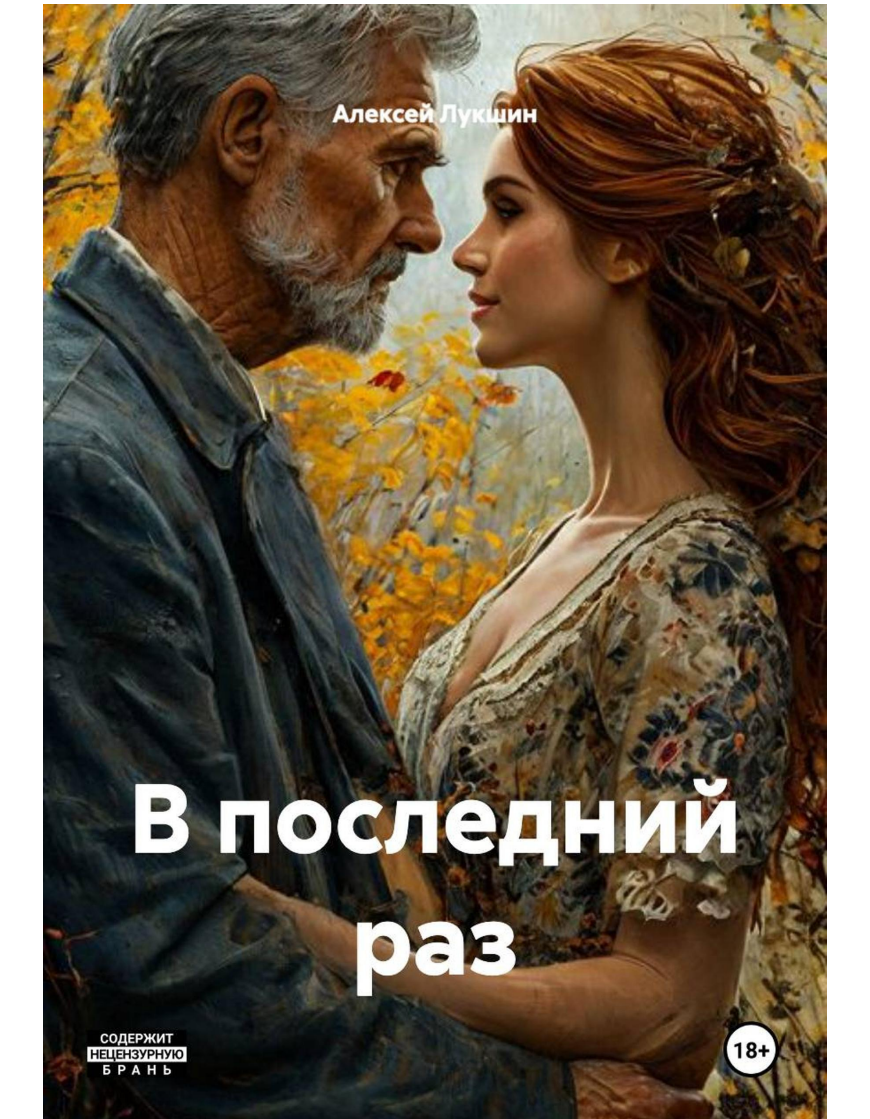

An oil painting depicting an elderly man with grey hair and a beard, wearing a dark jacket, looking intently at a young woman with long, wavy red hair. She is wearing a floral-patterned dress and looking back at him. They are standing in front of a background of yellow autumn leaves. The overall mood is romantic and poignant.

Алексей Лукшин

В последний раз

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Лукшин

В последний раз

<https://litres.ru/74248467>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жизнь не предупреждает, когда что-то происходит в последний раз. Страстная близость, последняя попытка спасти рушащийся брак, выстрел на обочине чужой дороги или прощальный взгляд старого ветерана, прошедшего три войны — за каждым выбором стоит цена. Сборник психологических повестей Алексея Лукшина — это жесткая, искренняя и предельно честная проза про настоящих людей. Про страсть, которая ослепляет, про ревность, разъедающую душу изнутри, и про память, которую не стирают годы. В этих историях нет глянца, но есть оголенный нерв и непреложная правда жизни. Содержит нецензурную брань.

Алексей Лукшин

В последний раз

В первый раз

Какие же девчонки фантастически красивые! Я только об этом и думаю. Сам дивлюсь на свои мысли.

А мужская сущность требует засадить глубже и трахать, трахать и трахать всё быстрее, обхватив руками прекрасную грудь, под эти звонкие шлепки и хлюпанье...

Мне неловко об этом думать? Не пойму почему.

Ведь она такая вся нежная, словно из облака сотворённая, а я — похотливый зверь, которому только этого и надо...

Как быть? Что делать? Даже не знаю.

Я предвкушаю миг — прекрасный, восхитительный миг. В первый раз...

Да он всегда как в первый раз...

Но она ведь тоже живой человек. Неужели ей хочется по-другому?

В книжках — про охи-ахи-вздохи, в кино — затуманенная обстановка, где ничего не видно, кроме скользящих тел...

А мне-то хочется так, а не иначе... Это же ведь природой придумано...

А если я вдруг увижу всё это, обалдею и кончу сразу, прямо на неё, от первого прикосновения?

Парни — все гиганты и силищи, и так у них было, и эдак. Думаю, врут все, Дон Жуаны тоже мне...

Точно врут. Видел я их глаза, когда она со мной шла — все слюной изошли. Пошли нафиг, лузеры...

Ну а раз врут, то и бояться нечего — не съест же она меня. А если съест?

Да, проблем... Будь что будет.

Голос сбивается. В голове одно, а словами непонятно что говорю. Не знаю, как сказать. Готовился-готовился, и на тебе! Духу не хватает...

А была не была!

— Хочу тебя сзади.

...время замедлилось. Всё — сейчас меня убьют.

Какая она грациозная!

— И я хочу...

И смотрит — взгляд не прячет.

— Только не торопись, мне тоже нравится...

Вот это да! И доверие. Доверие.

За эти две секунды, пока ты грациозно разворачивалась и выгибалась... Да, ради этого стоит жить. Я ещё не знал тогда, сколько раз всё повторится. И когда ты встала передо мной вот так, в боевой стойке, — я понял, что жизнь прожита не зря!

Какая ты бархатистая.

И странно, я больше не боюсь, что что-то может не получиться...

Почему мне хочется поцеловать тебя?

Да нет, не поцеловать, а впиться губами!

Мне хочется что-то сделать — да не знаю, что там нужно,
— просто хочу и всё!

Ну, а раз хочу — так и вперёд!

Как ты интересно качнулась.

Если небо есть, то сейчас оно на уровне этой кровати.

Какая ты вкусная...

Ты толкаешься?

Какой я дурак — уже пора. Ты хочешь и зовёшь меня к себе.

Ох-х-х, как приятно войти в тебя...

Я хочу, чтобы ты тоже видела, как это красиво!

Куда руки положить? Сюда можно?

Наверное, можно, я же должен знать сам.

Я же сам об этом мечтал. Вот это да!

Как удар тока!

Меня аж всего потрянуло.

Ты балуешься и качаешь задом. А я весь дрожу.

Ты ещё сильнее выгибаешься, и я беру тебя за грудь. Движения становятся резче — всё быстрее и быстрее.

Ты начинаешь сильно дышать, всё громче, и стонешь, уже не стесняясь. Я понимаю — теперь пора.

У меня начинают дрожать ноги, и я сам не замечаю, что уже рычу. Темнеет в глазах, всё напрягается. Стоп! Удар!

Ещё удар!

Сильнее. И как водопадом окатывает. Мы замираем и валимся на бок. Дышим в такт.

Мы такие влажные и счастливые.

Потом это будет тысячу раз, но сегодня был первый.

Девчонки, какие же вы фантастически красивые!

В последний раз

Бледный дым струился ровно. Эдгар, упершись локтями в стол, курил на кухне. Затыкался, рассматривал тлеющий кончик. Слышалось, как палец отбивает пепел. Его тяжелый, невидящий взгляд лишь изредка отрывался от сигареты, бесцельно скользя по комнате.

Жена, загорелая и стройная, в одних трусиках, вертелась перед зеркалом. Эластичная ткань облекала, как вторая кожа. Он внутренне вздрогнул: *«С каждым годом она только ярче. Невыносимо ярче»*.

— Марианна, — позвала жена дочь, — принеси пульт от кондиционера.

Босые ножки зашлепали по паркету.

— Спасибо. Иди к папе. Он тебе новые туфельки оденет. Бабушка похвалит: «Какая красавица!».

Выключив кондиционер, она плавным движением бросила пульт на кресло. Дочь, прелестное создание, обвила ногу матери, прижалась щекой.

Сделав последний штрих косметической кистью, жена удовлетворенно посмотрела на любимицу.

— Дочь, ты чего? Завтра вечером в парк пойдем, на лодочках кататься, — тронула за плечо. — Иди к папе, — слегка поднажала, не оставляя выбора. — Дочур, опоздаем!

Надув губки и скорчив гримасу, дочь нехотя поплелась к отцу. Эдгар ласково улыбнулся.

— Сердце мое! — протянул к ней руки и вопросительно глянул на жену.

— Нель, позвони бабушке. Пусть не доезжает до Профсоюзной, ждет нас. Иначе в пробку попадем, на вокзал не успеем.

Жена засуетилась:

— Из машины позвоню, — торопливо выбирала между двумя кофтами.

— Эдгар, тебе что больше нравится? — искренне настаивала на ответе.

В дремлющем уме шевельнулось: *«Как всегда. Глупый вопрос»*.

— Думаешь, твоей подруге важно, в чем ты предстанешь?

— заключил он по-мужски прямо. *«Надоедливая картина. Затянувшийся фильм с известным концом».*

— Эдгар! — она прильнула, играя телом. — Я же девочка! Что, по-твоему, должно меня волновать? — зажмурилась, потом открыла глаза и уставилась в одну точку на его лице. — Жесткий и колючий ты сегодня.

Надев кофту, провертелась перед зеркалом. Фыркнула, быстро сбросила, сняла лифчик и вошла в просторную блузу на голое тело.

— Это еще чего? — горячее сердце армянина возмутилось.

Она подбежала, в объятиях целуя трехдневную щетину.

— Хватит. Ладно. Собирайся. Я с дочкой в машине подожду.

Тяжелая дверь щелкнула. Нелли задумалась над выражением его лица. Благородные черты вдруг онемели. *«Что с ним?»*

Взяла айфон. Ноготь большого пальца выстукивал: «В твоём сердце есть место для меня!!!»

Пока она шла к машине под слепящим солнцем, он полюбовался ею. Загар красиво оттенял гладкую кожу.

Через открытое окно душисто пахнуло. Сладковатый,

приятный запах знакомого растения. Ей подходил этот запах. Все кругом — трава, куцые деревья, даже штакетник — все дополняло ее, несло ее блеск.

Эдгар, сильный по натуре, признавал за собой слабость: он давно растворил свои дни в ее существе. «*Нет-нет!*» Он сощурился. «*В тебе тоже!*» Добрые глаза отца и дочери встретились.

Ласкающий шелест шин, щебет детских вопросов и негромкий джаз прервал строгий голос и рука, тянущаяся к магнитоле.

— Выключи музыку. Скажи чего-нибудь, — звуки не мешали, это был призыв. — Ты сам не свой. Что случилось?

Будто не придавая значения, снова включил музыку, едва слышно бросил:

— Да нет. Настроение никакое. Вечером с парнями ка-
льян выкурю, вина выпью. Пройдет. — Помолчал. — С по-
другой договорись. Вместе приедем, — повернулся, посмотрел на нее.

— Конечно. Она давно зовет. И сама напрашивается. Ла-
пуль! Ты из-за меня расстроился? Ладно тебе, — ее рука
скользнула по его, мягко проводя по кончикам волос. Широ-
коплечая стать снова подалась вперед. Но он крепко, почти
нежно сжал ее ладонь и отвел.

— Перестань. Я не в духе, — но успокоился, слегка повеселел.

Дочь передавали бабушке как бесценный клад. Обменялись привычными напутствиями. Все, как всегда. Дочь радовалась: сегодня и завтра — шалости и невинные пакости, на капризы посмотрят сквозь пальцы. Выклянчивание, по разумению бабушки, есть становление характера. Она, не в пример другим, умеет отстаивать свои желания.

— Мамуль, до завтра! — Нелли подбежала к поглощенной внучкой матери, сама превратившись в ребенка. Чмокнула в щеку обоих, махнула на прощанье.

— Оставьте на неделю, я только рада! Гуляйте! — понимающе, без надежды договаривала мать. Душа трепетала в предвкушении заботливой возни. Она щедро растратит все самое сокровенное. Сознание матери и бабушки ликовало. Взаимопонимание царило в их благополучной семье.

Эдгар сравнил мать и дочь. *«Ее матери самой бы еще рожать. О чем она думает? Если Нелька в ее годы так сохранится — чудо»*. Он по-мужски оценивал эту женщину.

Водитель в который раз перебирал бумажки на панели. Подводил итог: в путь.

— Заходим. Отправляемся, — посмотрел в салон, словно

говоря: «*Я теперь за вас буду думать*».

Выглянув на улицу, повторил. Эдгар положил руки на любимые плечи, нехотя подталкивая.

— Похоже, тебе. Кроме нас никого нет.

Нелли сильно обняла мужа. Нервно, крепко прижимала к себе то спину, то талию, то бедро. Расцеловывала его лицо.

— Хороший мой. Лучший на свете. Ты не знаешь, какой миленький! — доверительно распиналась в благодарностях. — Лапусик! Я побежала! — с явным нежеланием отстранилась.

Сквозь большое стекло автобуса на него сыпались воздушные поцелуи. Она сдувала их с ладони. Прикладывала руки к сердцу, показывая, как оно бьется. Вынимала будто бы и показывала пальцем: ее сердце остается ему.

Он расчувствовался. Хотелось остановить время, продлить эти мгновения искренности. Стесняясь чувств перед пассажирами, он жалел. Жалел, что снова не сказал главного. А что — главного? Он, мужчина, боялся произнести это важное. Каждый раз откладывал: «*В следующий раз*». Слова проваливались. В такие моменты ему обрубали крылья. Их было множество, он хотел их сказать. После таких приступов немоты он думал об одном: как легко врать посторонним, обещать пустое. А здесь, когда чувства задеты, — все неме-

ет. Хочется вывернуться наизнанку, чтобы человек знал, но тебя парализует. Боже, это же суть. Без нее смысл угасает.

Автоматическая дверь, присасываясь, мягко закрылась. Турбина взревела, но вместо рыка выдавила подавленный вздох. Сзади хлынул теплый дымок, поставив точку.

Эдгар успокоился. Прощание с любимой приглушило подозрения, пустившие ростки в его сердце. *«Прекрасное существо. Все ее движения, слова, эмоции принадлежат мне. Только мне. Нет, она не может обмануть!»*

Упершись в эти мысли, он провожал взглядом пёстрый зад автобуса.

«Она меня любит. Она принадлежит мне».

Повернул ключ зажигания, тронулся вслед. Палец забегал по экрану, набирая знакомый номер.

Занято. *«Наверное, звонит подруге».*

Разозлившись, набрал другой.

«Нет. Я делаю это не из подозрений. Я хочу доказать себе, что не прав. Разубедить себя. Не могу же думать плохо о человеке, чья душа всегда со мной».

— Виталий. Да, привет. Я еду. Где? На Минском, за постом. Кафе «Ширван». Хорошо.

Отключился, снова набрал жену.

Занято.

Срезав проспект, потеряв автобус из виду, поспешил на встречу.

Подъехал к кафе. Припарковался в невидном месте. К нему радостно, широко расставив руки, шел друг.

Взяв сумку с документами, Эдгар вышел навстречу. Не успел поздороваться, как услышал:

— Брат! Я того... маму имел. Зачем тебе всё это? — но друг оборвался, увидев его лицо. Без лишних вопросов оставил тему.

— Пойдем чая выпьем.

За столом Эдгар пристально смотрел в окно, боясь упустить автобус. Поглядывал на часы.

Автобус проехал. Ему показалось, он увидел жену. Она откинулась на кресло, к голове прижата рука с телефоном.
«О чем так долго?»

— Виталий, — протянул ключи от своей машины, — дер-

жи.

Тот протянул свои. Договорившись об обмене, Эдгар поспешил к выходу.

Он преследовал автобус на расстоянии. Вздуродраженное волнение понемногу улеглось. Дорога убавкивала оголенные нервы. Мысленные образы задерживались дольше, чем проносившиеся городки.

Слушая музыку, он перебирал сегодняшние события. Ловил себя на том, что отвлекается от гнетущих мыслей. Они приходили обрывками: недоговоренные разговоры, слова, сказанные не как обычно.

Вспоминались нелепые фразы и удивленное лицо, будто провинившегося ребенка, когда он заставлял ее у компьютера или увлеченную телефоном.

Она застенчиво улыбалась, а во взгляде мелькало напряжение. Оно уходило, стоило ей отвернуться.

Глядя на дорогу автоматически, он менял образы размышлений.

Он пытался доказать себе: его затея — поиск доказательств ее искренности. Способ уличить собственное неверие. Разбить сомнение.

«Хотя, — размышлял он, — сомнение — путь к правде». Его правда сейчас была перед ним, медленно покачиваясь.

Он корил себя, злился, но его тянуло. Видя поворот на Москву, спрашивал: *«Может, развернуться? Дурак, зачем всё затеял?»* Но ехал дальше, накручивая благородные объяснения.

«Нет. Хочу убедиться. Тогда успокоюсь. Лучи, так чем постоянно думать, что моя жена — шлюха».

До границы оставалось двадцать километров. Он резко нажал на газ, обогнал автобус. На рубеже Россия-Беларусь встал перед знаком «Стоп».

Надо приостановиться, чтобы пограничники увидели: ему нечего таить. Выждав миг, тронулся.

Подивился: почему автовозы с одинаковыми машинами едут в обе стороны? Не проще ли договориться? К чему эти лишние километры?

Тщательному досмотру подвергались только большегрузы и дорогие авто.

Проехав сотни метров, он увидел на обочине машину родственника. Подъехал, дал короткий гудок. Родственник рванул с места. На первом укромном повороте остановились.

Перекинулись парой фраз. Эдгар пересел в машину с белорусскими номерами. Встал на обочине и, как хищник, всматривал автобус.

«Скорее же. Где он?» Мужские игры — разведчики, шпионы, охотники — в них есть общее: засада, интрига, ожидание ничего не подозревающей добычи.

Человек становится на ступень выше. Чувствует силу. *«У меня есть эта сила. Я выше. Я не должен считаться с их условностями. Если надо — раздавлю. А с кем не справлюсь — договорюсь. А потом... всё равно уничтожу».*

Адреналин состязательности делал свое дело.

Трудяга-автобус, плавно покачиваясь, проплыл мимо.

Жена (он снова видел ее) все так же с телефоном. *«Сколько можно!»*

Новополоцк — чистый город. Не как Москва. Здесь чистота — как черта характера. Здесь человек, швыряя окурок, уже чувствует на себе взгляды: *«Ай-яй-яй! Как вы могли?»*

На автостанции автобус, как грузный дядька, искал, куда приткнуться.

Московский рейс магнитом притягивал встречающих. Они всматривались, пытаясь узнать гостей в отсветах солн-

ца.

Через мгновение Эдгар узнал жену. На ней была другая блузка. Вырез тянулся к животу, обнажая грудь, словно разделенный персик.

«Переделась по дороге. Видок блядский, но неприступный. Это тело — для избранных».

Она знала себе цену: рабство — только за стоящие обстоятельства. Растелется перед властью денег. *«О чем я?»* — отогнал мысли.

Его обуяли желание и жадность, замешанные на ревности. *«Зачем она здесь? Для нее он — там».*

Он подавил собственнический инстинкт. В ее походке сквозили свобода, волнение. Она выискивала кого-то глазами.

Вдруг навстречу ей двинулась BMW — «семерка», последняя модель.

«За ней?» — кольнуло тревогой. За голубыми стеклами сидел парень, одна рука на руле, другая подпирала подбородок. *«Постарше меня. Никакой радости, лишних движений».*

Жена села к нему в машину.

«Подруга послала мужа встретить? Но почему сама не вышла?»

Не клеилось: ее рассказы о подруге, о Беларуси не совпадали с увиденным. Расскажи она правду — он бы не отпустил. А так — славно. Почему он сам не поехал с ней? Она не раз звала.

Он ехал за ними по узкой, гладкой дороге.

Город небольшой, с высотками на широком пространстве, отчего казался еще меньше. Как на советских открытках: ясное небо, иллюзия чистого и прекрасного.

Лица людей не озабочены, расслаблены. Машины не скачут, движутся ровно.

Выехали на громадную площадь. Массивные застройки застойной эпохи.

Светло-салатовый цвет гостиницы «Беларусь» выделялся на сером фоне. Почти нет деревьев — все видно.

BMW остановилась у центрального входа. Спутник, взяв холщовую сумку с продуктами, скрылся с ней за огромными дверями.

Помрачневший Эдгар тупо проводил их взглядом. Все оправдания парализовало. Картина, как жена с незнакомцем привычно направились в знакомые апартаменты. Именно — привычно.

Он понял. Знал по себе и по приятелям, где здесь расставлены точки.

«Шлюха! Мразь! Стоп. Подожду. Может, зря. Нельзя наговаривать». Он проглотил досаду, вспыхнувшую по всему телу. Ход событий смешался, как колода карт.

«Вот сука! Самостоятельная. Если у нее что с этим... В последний раз!»

Он открыл окно. Свежий ветер не принес облегчения. Всматривался в отдаленный вход, снова посмотрел на часы.

«Двадцать минут. Заминка на ресепшине. А может, подруга в номере ждала? Или в ресторане сидят».

Снова успокоился, устав от домыслов.

Откинул сиденье, не сводя глаз с входа. *«Выйдет. Интересно, как объяснит».*

Выискивая варианты, он выпутывал ее из обстоятельств. Находил оправдания для будущих диалогов. Лишь бы снять

подозрения.

Незнакомца он возненавидел. Чувствовал его запах, видел движения. Руки сдавливали руль, то сжимаясь в кулаки, то разжимаясь.

«За что? А дочь? Ладно. Подожду час».

Когда прошло пятьдесят минут, мысленно дал им еще два. *«Долго не виделись. Два часа — нормально. Я и по шесть часов высидивал. А сумка? Она была наполнена...»*

Наступали сумерки. Обманывать себя уже не было сил. В голове стучало: *«Изменяет. Сколько времени?»*

Перебирал подозрительные моменты. Вереница нелепостей. Все объяснения раньше сводились к одному: *«Жена глупа, но любит. А он? Он тоже любит и привык».*

Все списывалось и забывалось. А она, оказывается, не так глупа. Она изучила его. Любая ее вольность казалась ему наивностью. А потом — бешеная ревность с его стороны. Она крутила им, как ребенком.

Если так и есть? Надо сказать ей, чтобы переубедить в его мыслях. Какие слова вернут прошлую жизнь?

Он не видел продолжения после увиденного. Но объяснение должно быть.

Его лихорадило. *«Погода теплая. С чего бы?»*

Часы показывали полночь. Он набирал номер, думал: *«Стыдно признаться близким. Ладно, переживем»*.

— Брат, доброй ночи! — радостный голос в трубке успокоил.

— Куда пропал, Эдгар? Не посидели. На тебя не похоже.

— Я в центре, у «Беларуси». На площади, у входа в парк. Увидишь машину. Захвати поесть. И водки. Поболтаем. Дело у меня здесь.

Через полчаса, отрывая куски курицы, он поведал о подозрениях.

— Знаешь, нужна помощь, — говорил твердо, зная, что ему не откажут. — Жена выйдет, поедут. Надо зажать машину, остановить. С женой поговорю. Ребята — на случай, если тот встрянет. Бить не надо. Он ни при чем.

Брат задумался не о просьбе, а о сути. Семья Эдгара для всех была примером. Услышанное резануло.

— Если она спать со всеми будет — всех перебить? — молча согласившись, брат быстро обзвонил приятелей, коротко объяснив.

— Сейчас будут.

Как близкий, он не расспрашивал, проникшись проблемой. Это было серьезней.

Каждый судит своей мерой. Всегда найдется интеллигент, оправдывающий самый варварский способ решения моральной задачи.

Разговор не клеился. Один думал: *«Не дай Бог!»* Другой: *«За что?»*

Продолжать ход мыслей не хотелось.

Восемь утра. Не выспавшийся, Эдгар держался на волнении. Как пьяный, который на миг трезвеет, выпрямляется, а потом снова кренится.

Он то обретал ясность, то проваливался в черно-белую замедленную реальность, в отголоски прошлого, где не находил ответов.

Закоченевшие суставы ломило. *«Встать бы, пройтись»*. Кровь замедлила бег.

Попытался заговорить, но язык не слушался. Хорошо выговаривались только «да» и «нет», да бытовые фразы: музыку потише, окно открой, день хороший. Обычный набор в утомлении.

Как всегда в ожидании: внезапно и предсказуемо.

Неожиданно показались двое. В утренний безветренный час, когда легкая дымка облекала пространство, звуки доносились ярче. Речи не было слышно, но звонкий смех и баритон долетали однообразной гаммой.

Она прижималась к нему. Ее рука обхватила талию спутника, другая ладонью поглаживала живот, поднимаясь к груди. Он, обняв за плечо, запускал пальцы в волосы.

Эдгара скривило. Невыносимо видеть, как его жена преданно вливается в другого. Эта готовность исполнить любую прихоть.

Сидевшие в машине видели вместе с ним и злились. Наблюдать за таким утомляет.

На минуту задержавшись у машины, спутник прижался к ее спине, когда она наклонилась, чтобы сесть. Но, почувствовав его движение, подалась назад. Он бедрами подался вперед. Она, как податливая сучка, попятилась задом навстречу. Быстро, неуловимо, но все видели. Бесспорное доказательство веселой ночи в номере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.